

Глава 37. Идея Ми Яня

— Какой способ? — удивился Се Юньчжу.

— Этот способ можно применить, только когда мы останемся вдвоём, — Ми Янь посмотрел на него снизу вверх, заметно нервничая. — И у меня есть одно условие.

— ? — Се Юньчжу усомнился в собственном слухе. Этот сопляк ставит ему условия? Неужели то, что он потерял, — это самокритичность?

— Дальше я буду работать, а ты отдыхать, — быстро выпалил Ми Янь. — Иначе я не скажу, что придумал!

Се Юньчжу посмотрел на его решительный взгляд и хмыкнул.

— Даже не думай. Это не твоя работа. Угрозы на меня не действуют, и я не люблю торговаться.

— Но ты сам сказал мне думать. Если ты будешь всё время занят, у тебя не останется на это сил, — возразил Ми Янь. — А если мы перестанем думать, то будем терять всё больше и больше.

Губы Се Юньчжу сжались в тонкую линию. Он холодно изучал его.

— Только один раз, дай мне шанс попробовать! — Ми Янь схватил его за руку и начал канючить. Его трогательное личико действительно было оружием, способным сокрушить любую оборону. Даже Се Юньчжу почувствовал, как его атаквали лучи милоты, и был вынужден отвести взгляд. — Если у меня не получится или я поранюсь, я сразу же прекращу.

Се Юньчжу всё ещё молчал, но его рука в ответ легко коснулась ладони мальчика — это было знаком согласия.

Когда конвейер снова запустился, Ми Янь, встав на ящик, приступил к работе.

Его сердце трепетало от радости. Он впервые смог убедить А Чжу! Он и не думал, что ему это удастся! Получив такой редкий шанс, он работал с особым усердием, ведь он уже так хорошо научился управлять этими руками!

Се Юньчжу задумчиво смотрел на его маленькую, сосредоточенную спину. Он заметил, что, привыкнув к управлению руками, Ми Янь реагировал невероятно быстро — возможно, в десять раз быстрее обычного человека. Лезвия, требовавшие от него предельной концентрации, для мальчика были словно клавиши фортепиано.

Но ещё больше его удивил характер Ми Яня. Раньше он считал его немного назойливым, но полезным аксессуаром, главным достоинством которого была послушность.

Однако с каждым днём мальчик, казалось, вырослел. Он начал спорить с ним и даже влиять на его решения. Всё это происходило так плавно и естественно, что он даже не успел почувствовать отторжения или дискомфорта...

«Ладно, пока это можно использовать, пусть делает, — решил Се Юньчжу. — Это даст мне передышку». Он огляделся по сторонам и сделал пару шагов в сторону, но тут же почувствовал, как ствол винтовки надзирателя упёрся ему в спину.

Даже без работы покидать конвейер было запрещено.

Се Юньчжу как ни в чём не бывало вернулся на место и, окинув взглядом сборочную линию, снова погрузился в размышления. Прокрутив в голове события последних двух дней, он ощутил странное чувство: они обрабатывали жир-сырец на конвейере, но в то же время сами находились на другом, огромном и невидимом конвейере. Каждый день они совершали цикл «общезитие №6 — цех №6», истощая себя в бессмысленном механическом труде, пока правила лепили из них нечто новое.

Значит, они обладали некой «ценностью», раз для них создали такой изошрённый конвейер. И как «товар», они даже не замечали, как эту «ценность» у них отнимают. Единственное, в чём можно было быть уверенным, — однажды эта «ценность» будет выжата до капли. И тогда их ждёт...

Он вспомнил общезитие №5, тех воющих живых мертвецов.

Неустойка, возможно, была ловушкой, созданной, чтобы заставить их усердно работать, конкурировать друг с другом за жалкие гроши.

Выбраться за месяц? Это могло означать лишь одно: их «ценность» будет полностью исчерпана за этот срок. Кроме самых выносливых «рабочих лошадок», большинство чистильщиков просто погибнут здесь от истощения.

«Хух...» — он тихо вздохнул. Внезапно он понял, что Ми Янь был прав. Лишь вернувшись к размышлениям, он снова почувствовал себя собой. Каждая секунда, проведённая в борьбе у конвейера, превращала его в скрипящий винтик.

В девять вечера рабочий день наконец закончился. Все, измотанные, попадали на пол, не в силах издать ни звука.

Директор Сун, заложив руки за спину, прошёлся по цеху, произнёс несколько ободряющих слов и объявил, что лучший работник дня будет назван завтра утром. Разумеется, учитывая

всеобщее усердие, конкуренция будет очень жёсткой...

Чжан Байшань и Цяо Чуньин первыми подняли руки:

— Мы хотим работать сверхурочно.

Они были самыми старшими, но, как ни странно, к концу дня выглядели бодрее всех.

Директор Сун удовлетворённо кивнул, словно звание лучших работников уже было у них в кармане. Остальные стиснули зубы, не желая так просто уступать премию в сто юаней. К тому же, сверхурочные оплачивались вдвойне — час за два...

Поднялись ещё три руки. Лянь Пинлянь, Е Жун и Линь Чжэньюэ тоже вызвались на сверхурочную работу.

— Отлично, какой энтузиазм!

Се Юньчжу тоже медленно поднял руку. Глаза директора Суна загорелись ещё ярче.

— Неплохо, даже наш главный отстающий проявил инициативу...

— Нет, директор, у меня вопрос, — перебил его Се Юньчжу, виртуозный исполнитель на барабанах отступления. — У нас на фабрике за больничный вычитают из зарплаты?

— Больничный считается прогулом, штраф — пятьсот! — лицо директора Суна тут же потемнело. — Предупреждаю, у тебя уже триста юаней штрафа. Если твой долг перед фабрикой достигнет тысячи, тебе здесь не место!

— А если не место, то уволят? — глаза Се Юньчжу заблестели.

— Отправят в пятый цех, к таким же ленивым свиньям, как ты!

— О... — Се Юньчжу принялся загибать пальцы. Хотя он и был должен фабрике триста юаней, но сегодня заработал двести десять, так что, если округлить, выходил почти в ноль... Ах да, ещё нужно вычесть пятьдесят юаней за еду...

Чем дальше он считал, тем больше раздражался. В итоге он просто махнул рукой и вместе с остальными, кто не остался на сверхурочные, поплёлся в общежитие. Иностранец Майкл, не привыкший к такому графику, к концу дня едва держался на ногах. А Ши И, и без того хрупкая, казалось, вот-вот растворится в воздухе, словно душа, готовая вознестись на небеса.

А вот Ми Янь, проработав два часа, совсем не устал. Вернувшись в общежитие, он таинственно потащил Се Юньчжу за душевые кабины, чтобы раскрыть свой «способ».

Они прокрались за стену. Ми Янь раскинул руки, поднял своё милое личико и, трепеща длинными ресницами, произнёс:

— А Чжу, обними меня!

— ... — Се Юньчжу безмолвно уставился на него. «Сейчас не время для нежностей, а то получишь по ушам».

— Мне нужна сила любви. Только с достаточной силой я смогу сотворить чудо, — Ми Янь всё так же держал руки раскинутыми. Вот, значит, какой гениальный план он придумал за полдня.

— Мы всю ночь спим в обнимку, и что-то я не видел никаких чудес.

— Но это не настоящие объятия. В настоящих объятиях нельзя заниматься ничем другим, нужно всем сердцем чувствовать другого...

— А если я тебя поцелую, сработает? — спросил Се Юньчжу просто для экономии времени. Он не ожидал, что личико Ми Яня вспыхнет ярче съеденного сегодня фальшивого яблока. Мальчик закрыл глаза и смущённо прошептал:

— Ну... это, конечно, тоже можно... если ты хочешь...

— ... — Се Юньчжу помолчал пару секунд, чувствуя себя полным идиотом за то, что всерьёз на что-то надеялся. Но, глядя на выжидающее лицо ребёнка, он не смог просто развернуться и уйти.

Вздыхнув, он слегка наклонился, обхватил мальчика за тонкую талию и поднял его.

— А-а! — Ми Янь широко распахнул глаза. Его обзор внезапно стал гораздо выше. Оказалось, он сидит на руке у мужчины. Он тут же обхватил его за шею и уткнулся лицом в его волосы.

В отличие от вездесущего запаха жира-сырца, от А Чжу исходила свежесть, лёгкий аромат шампуня. Он не удержался и легонько прикусил прядь его волос, медленно перекатывая её на кончике языка.

— Шлёп-шлёп! — Се Юньчжу дважды ощутимо шлёпнул его по попе. Тот сразу присмирел и послушно выплюнул волосы. Но А Чжу пах так вкусно, как свежее испечённый торт с морской солью, как холодная апельсиновая газировка... Ему пришлось прикусить язык, чтобы болью подавить разыгравшийся аппетит.

Прошло целых пять минут. Се Юньчжу не спрашивал, достаточно ли, а просто продолжал его обнимать, словно хотел исполнить его желание. Рука, обнимавшая его спину, легонько похлопала.

— Ты сегодня молодец.

— Тук-тук! — Ми Янь почувствовал, как его сердце дважды сильно ударилось о рёбра. Какое-то мощное чувство рвалось наружу.

— Ты смог из разрозненных фактов найти зацепки и сделать собственные выводы, — голос Се Юньчжу был ровным, но это была явная похвала. — Точно уловил суть, мыслил ясно и чётко. Я, честно говоря, удивлён.

— Ух ты... — уголки губ Ми Яня поползли вверх, не по принуждению, а сами собой, образуя то самое, лишённое смысла выражение.

— Но знаешь, что сегодня было лучше всего? То, что ты научился со мной торговаться, — Се Юньчжу потрепал его по голове. — И ты оказался прав. Мне действительно нужен был отдых, иначе моя способность мыслить быстро бы атрофировалась на этой работе.

Ми Янь совсем не ожидал, что его похвалят и за это. Он сжал в кулачках воротник его рубашки.

— Мне правда можно с тобой торговаться?

— Ты всегда должен делать то, что считаешь правильным, даже если это бросает мне вызов. Нет, ты должен научиться бросать мне вызов, потому что я буду постоянно пытаться тебя подавить, — сказал Се Юньчжу и опустил его на землю.

Он не ждал никакого чуда, это была лишь награда для мальчика.

Но Ми Янь просто стоял и глупо смотрел на него. Уголки его губ были подняты, обнажая милые белые зубки, а золотые глаза сияли, как две яркие звезды. Он был так счастлив, что его сердце превратилось в пылающий источник огня. Счастливое семя пробилось сквозь бетонную плиту и радостно выглянуло на свет.

Он улыбнулся.

В тот же миг, словно от удара током, Се Юньчжу почувствовал, как идущая из глубины души радость коснулась и его. Забытый язык вернулся на его уста, сладкий, как вишня. Произнеся это слово, он почувствовал, как уголки его губ тоже поползли вверх.

— Ха-ха... так это «смех».

Вчера, когда «смех» запретили, они не потеряли способность смеяться. Но, постоянно сдерживая себя, всего за одну ночь они все забыли, что это такое.

Ми Янь широко распахнул глаза.

— А Чжу, ты как будто светишься!

Се Юньчжу замер. Внезапно он понял, что это не иллюзия. Когда Ми Янь улыбался, он действительно светился. Раньше он думал, что это просто из-за того, что ребёнок слишком красивый!

Присмотревшись, он увидел, что свечение создавали крошечные, почти невидимые глазу частицы пыли. Они парили вокруг улыбки, создавая эффект ауры счастья.

Эти частицы нельзя было потрогать или поймать, у них не было ни запаха, ни вкуса. Но это доказывало, что в этом подземелье «смех» был чем-то материальным. И фабрика хотела отнять у них именно это!

Забуть — значит быть ограбленным. А вспомнить — значит вернуть своё.

— Молодец, Мянмянь, ты совершил подвиг! — это открытие так взволновало Се Юньчжу, что он снова поцеловал Ми Яня в щёку. Лицо мальчика расцвело, как подсолнух, а уголки губ, казалось, застыли в улыбке навсегда, не собираясь больше опускаться.

<http://bllate.org/book/15884/1589012>